

Субъективные и объективные методы в социологии и их относительное значение

Прежде чем говорить о субъективном и объективном методе в социологии, скажем два слова об этих методах в психологии.

Когда мы наблюдаем отдельный человеческий, т.е. сознательный, организм, нам кажется с первого взгляда, что в нем происходят два рода совершенно отдельных и особенных процессов, из которых одни мы называем физиологическими, а также физическими, химическими и механическими, — а другие мы называем психическими, а также субъективными; последнее название дается в отличие от первых, т.е. физиологических, химических, физических и механических процессов, часто объединяемых одним термином — *объективных*.

Однако убеждение, что эти два процесса, т.е. процессы объективные и субъективные, или процессы физико-химические, механические и физиологические и процессы психические, т.е. идеи, чувства, ощущения, сознание, стоят независимо друг от друга, — такое убеждение падало с каждым шагом развития науки. Это разрушительное действие произвела в особенности физиология, и в частности нервная физиология, указавшая рядом самых точных опытов связь психических, или субъективных, явлений с процессами, происходящими в мозгу и нервах. В самое последнее время такие изобретения, как, например, аппарат известного итальянского физиолога Моссо, довели нас до возможности непосредственно, так сказать, собственными глазами видеть эту связь. Аппарат Моссо приспособлен к тому, чтобы показывать немедленно и точно малейшее увеличение объема какого-либо органа, например руки. Оказалось, что при всякой умственной работе объем руки уменьшается, что зависит от оттока от нее крови к мозгу. Наблюдая с этим аппаратом спящего человека, мы видим, как аппарат своей стрелкой отмечает даже его сновидения, не говоря уже о том, что малейший шум или стук, тревожащие спящего, тотчас сказываются и на аппарате.

Но эта связь давно известна науке.

На ней основано лечение психических больных, она открывается нам также патологоанатомическими вскрытиями мозга

умалишенных и вообще страдающих душевными болезнями, и пр., и пр. Но даже и человеку, не обладающему научными знаниями, известно, что его расположение духа, его настроение зависят весьма часто от состояния его тела, от здоровья или нездоровья какого-либо органа и пр., и пр.

Соображаясь со всеми этими фактами, психология, которая в прежние времена ограничивалась наблюдением человека только с субъективной стороны, должна была радикально изменить свой метод: ей пришлось начать исследования о связи субъективных психических явлений с явлениями объективными, или физиологическими. Отсюда в конце концов новейшая психология приняла совсем иной вид, чем прежде, она стала наукой, изучающей законы связи и последовательности не только явлений, субъективных в их соотношении с внешним миром, но и в их соотношении с физиологическими или объективными процессами организма. Когда в этой области набралась достаточная масса фактов и наблюдений, масса, обязанная главным образом исследованиям физиологов, а также невропатологов, когда эта масса фактов убедила в самом неизбежном и неизменном соответствии почти каждого субъективного явления с каким-нибудь объективным явлением в организме или рядом таких явлений, тогда явилась психологическая гипотеза, состоявшая в том, что объективные процессы организма и субъективные процессы нашего сознания суть одно и то же и различаются друг от друга только способом, каким они достигают до нашего сознания. Если какой-либо процесс в нашем организме достигает до нашего сознания путем наших же собственных нервов или мозга, он кажется нам субъективным, т.е. является нашему сознанию в форме ощущений, чувств, идей, мыслей, желаний, воли; когда же этот самый процесс мы наблюдаем в другом организме или даже и в нашем собственном, но *извне*, посредством внешнего исследования органических явлений, — то он нам является как процесс физиологический.

Но и наблюдая других, мы можем останавливать свое внимание или на физиологической, или на психической стороне одного и того же процесса. Так, в обыкновенных сношениях с людьми нам обыкновенно важно понимать не то, какие физиологические процессы совершаются в человеке, а то, какие идеи, чувства, желания относительно нас и окружающих явлений

имеет этот человек. Хотя при этом мы не можем знать непосредственно того, что он мыслит и чувствует, но по его мимике, по его речи и движениям мы делаем заключения о его субъективных состояниях, которые нам известны по нашим собственным, привычным, обыкновённым субъективным состояниям. Таким образом, в обыденной жизни каждый невольно является психологом старой школы, т.е. понимает другого и наблюдает за ним только субъективным методом, т.е. переводя внешние движения и выражения другого на привычный ему субъективный язык чувств и идей. Так как этот способ понимания других людей каждым практикуется с самого рождения, то весьма естественно родилась иллюзия, вследствие которой кажется, что мы непосредственно сознаем идеи и чувства, т.е. субъективные состояния, других людей. Конечно, это ошибка. Мы непосредственно сознаем только их движения, движения исключительно мышечные, движения мышц лица и глаз, производящие выражения чувства, движения мышц грудной клетки, гортани и рта, производящие звуки речи, и пр. И только за этим переводим эти движения, дошедшие до нашего сознания, в те чувства и идеи, которые ассоциируются с ними. Стало быть, даже и этот способ наблюдения других есть способ отчасти объективный (хотя еще и не физиологический), и если его приходится назвать субъективным, то это потому, что подобное наблюдение ровно ничего не дало бы нам, если бы мы не знали по нашему личному, субъективному опыту постоянной связи между нашими собственными субъективными состояниями и их мышечным выражением.

Таким образом:

- 1) С самого начала человек знал (хотя и не отчетливо-сознательно), что каждое чувство и движение его и других людей имеет связь с мышечными движениями.
- 2) Он из этого всегда заключал, что мышечные движения (или выражения, речь и пр.) других суть лишь отражения их психических внутренних состояний, так что последние он может узнавать по первым.
- 3) Затем он узнал научно, что кроме мышечных движений в его организме происходит масса процессов физико-химически-механических, соответствующих каждому его субъективному, психическому движению. Эти более тонкие процессы часто неуловимы извне и простым глазом, без

помощи сложных научных исследований и утонченных научных аппаратов.

- 4) Он отсюда естественно заключил первоначально, как и во втором случае, что эти физиологические процессы суть только *выражения* субъективных состояний, как и мышечные сокращения, т.е. что хотя они и находятся в связи с психическими явлениями, но составляют нечто отдельное и только *вызываются* ими, как сокращение мышцы только *вызывается* психическим состоянием.
- 5) Увидев более тесную связь между физиологическими, т.е. физико-химически-механическими процессами организма и процессами психическими, он пришел к выводу — о котором мы уже упомянули, — имеющему до сих пор характер гипотезы, что и те и другие процессы не отдельные, как отделен психический процесс и соответствующее ему мышечное сокращение, а что они одно и то же, только рассматриваемое с двух противоположных сторон. Это особенно наглядно выразил Тэн, сказав, что субъективную и объективную сторону психических явлений можно сравнить с одной и той же плоскостью, рассматриваемой с двух сторон.

Подтвердится ли эта гипотеза, или новые исследования покажут ее несоответствие с новыми фактами, этот вопрос решительно не имеет пока научного значения, а есть вопрос пока метафизический. Важно не это, а то, что доказано, т.е. связь и соотношение между объективными и субъективными процессами. Раз эта тесная связь установлена, для науки открывается новое широкое поле исследования, помимо всяких метафизических гипотез о тождестве или не тождестве субъективного и объективного процесса. Принимая пока как доказанный факт только неоспоримую связь и зависимость этих процессов, новейшая психология устанавливает эту связь, где это возможно, опытным и научно-гипотетическим путем, а затем работает дальше, прямо уже объективным методом, т.е. исследуя объективную сторону процесса. Это развязывает ей руки, так как этим путем она может идти вполне научно и опытно. Этим же путем удалось открыть уже в области психических явлений тот самый великий закон эволюции или развития, который первоначально был открыт в развитии внешних форм или типов животного царства, а затем распространяется и на все области челове-

ческого знания. Открытие его в области психических явлений, принадлежащее, бесспорно, Герберту Спенсеру, внесло громадный переворот во все науки, тесно связанные с психологией. Уже плодом этого переворота явились «Данные науки о нравственности» Спенсера, распространяющие этот закон на явления нравственной области, а затем целый ряд социологических исследований, как самого Спенсера, так и других эволюционистов, перенесших закон эволюции на явления общественные.

Общественные явления, так же как и психологические, имеют сторону объективную и субъективную: сторона субъективная есть сторона, выражающаяся общественными и вообще историческими стремлениями, идеями, чувствами, идеалами. К этому числу необходимо отнести все чисто субъективные создания человеческого творчества, имеющие общественный, а не личный только характер, каковы: метафизика, религия, искусства, и в том числе самая идея прогресса как вера в постоянное *улучшение* физического, умственного, нравственного и общественного положения человека — улучшение, соответствующее с идеалами, имеющими более или менее общее распространение. Объективная сторона общественных явлений так же двойственна, как и объективная сторона психических явлений. Как в психических явлениях первая ступень объективного выражения есть мимика, так и в общественных явлениях первая ступень есть выражение речью, мимикой и письменностью. Это первый простейший способ, которым мы узнаем о существовании субъективного процесса в обществе и человечестве. Но есть и дальнейшая ступень. Как в психических явлениях каждому субъективному состоянию соответствуют процессы физико-химически-механические, так в общественных явлениях *должно* существовать такое же соответствие. Как в психологии истинный прогресс науки начался с момента отыскания таких главнейших соответствий и затем с возникшей отсюда возможности продолжать исследование законов субъективных явлений путем исследования законов объективных явлений, так и в социологии истинный прогресс науки начался лишь с того момента, когда исследование с чисто субъективной почвы перенесено было и на объективные процессы, с приложением к исследованию данных, уже открытых науками физико-химически-механическими и биологическими.

Например, прогресс в области общественных явлений замечался давно. Можно сказать, что здесь не биология помогла социологии, а, наоборот, изучение общественных явлений, их развивающейся, прогрессивной смены дало мысль биологам и естествоиспытателям, что тот же закон развития совершается в природе. Однако та постановка закона развития, какую мы видели прежде в общественных науках, а в частности в истории и в философии истории, была вовсе не та, какую ее сделали теперь работы Спенсера, Мэна, Бетжгота, и массы других эволюционистов в области языка, религии, эстетики и пр., и пр. Прежде эволюционисты-историки, или социологи, или философы-историки шли исключительно субъективным путем исследования, т.е. тем самым путем, каким мы идем в наших обыденных отношениях к отдельным людям. Они изучали *антропологические выражения* субъективных процессов, совершавшихся в человечестве, как они сохранились в сказаниях, летописях, памятниках литературы, религии и права, переводили эти выражения на субъективный язык своих современных чувств, идей и понятий, и этим путем каждый, с своей точки зрения, старался проследить и указать постепенное развитие в человечестве своих собственных заветных идей, чувств и стремлений.

Для поклонника свободы эволюция человечества оказывалась эволюцией свободы, для христианина она казалась постепенным подготовлением и торжеством христианской идеи, для демократа — постепенным выступлением вперед народных масс, для мирного социалиста — постепенным наступлением экономического равенства; кроме того, поклонники постепенного развития видели в ней постепенное развитие дорогих им идей и форм; более страстные и нетерпеливые поклонники быстрых взрывов и катаклизмов видели в ней, наоборот, успехи или прогресс достижимыми только путем таких катаклизмов, обязанных личной человеческой энергии и успехам: для одних умственным, для других — успехам развития чувств, для третьих — религий... Таким образом, сколько было умов, столько же было и эволюций человечества. Многообразная масса фактов давала каждому возможность извлечь доводы в пользу своего любимого верования или чаяния. Люди, смотревшие на мир пессимистически, как, например, Шопенгауэр, Гартман, имели возможность из тех же фактов сделать совсем противоположные выводы о постепенном

торжестве зла, насилий и страдания, т.е. имели возможность доказывать, что не только человечество не испытывает прогресса, но оно идет назад, т.е. путем регресса. Наконец, были и такие мыслители, которые говорили, что прогресс совершается кругообразно, что человечество, как белка в колесе, бежит сперва вперед, а потом возвращается назад и к тому же месту. Находились и более снисходительные, которые полагали, что это круговращение напоминает не круг, а спираль, которая хотя приближается каждый раз снова к прежнему месту или точке исхода, но уж каждый последующий круг шире, полнее.

Из этого читатель, к удивлению своему, заметит, что человечество передумало относительно своей истории решительно все, что можно было передумать, руководясь самой пламенной фантазией. И каждая из этих противоположных гипотез имела своих горячих поклонников и последователей. Мы еще не упомянули о целом ряде других воззрений вроде, например, таких, что, по одним, история есть развивающаяся идея, по другим — она осуществляющееся божество, по третьим — механический процесс, по четвертым — разумное развитие, совершаемое коллективной мыслью, по пятым — ее ведет демон, злобный и враждебный жизни, по шестым — вселюбящий, всеблагий Бог, по седьмым — Бог строгий и карающий, по восьмым... но и этого довольно.

Спрашиваем читателя, могла ли такая история или социология назваться наукой? Не была ли она делом исключительно субъективного творчества, смелых полетов фантазии, управлявшихся чувством, характером, настроением, идеалом или предрассудком тех, которые являются творцами?

Это был период чисто метафизического состояния истории и общественной науки вообще — период, когда законы не открывались путем исследования, а изобретались путем подбора фактов к господствующим чувствам, идеалам, настроениям или предрассудкам.

Как все науки пережили этот период, так и науке общественной пришлось его пережить. Но в области других наук этот период прошел скорее. Природа не вселяет в нас таких страстей, в силу которых факты могли бы извращаться в наших глазах или одни факты могли бы предпочитаться, а другие наоборот, смотря по владеющей нами страсти. Если в области исследования природы и были «партии», т.е. люди, враждующие из-за того,

а не иного понимания природы, то они были лишь до тех пор, пока наука, т.е. опытное исследование природы, и метафизика, т.е. вопросы о сущности природы и ее сил, о Боге природы и пр., были нераздельны: тогда, естественно, то или иное толкование явления встречало или покровительство, или отпор, смотря по тому, согласовалось ли оно или противоречило метафизическим и религиозным воззрениям партии. Но науки о природе скоро ушли от такого состояния: они отделились от метафизики, поставив в свое основание два-три положения или несколько наглядных фактов без всякого их метафизического толкования.

Взяв этот багаж, науки о природе двинулись далее путем кропотливого наблюдения связи и последовательности явлений, не заботясь об их метафизической сущности и дальнейших вопросах и выводах, которые из этого последуют для метафизики: они отбросили вопросы о конечных причинах, об общемировых законах, а стали открывать частные законы связи и последовательности явлений. Работа закипела и уже не встречала себе препятствий ни в чем предубеждении, ибо с наукой в этом состоянии могли уживаться рядом всякие метафизики и всевозможные религии. Исключение составляли лишь отдельные случаи, когда какая-нибудь новая научная гипотеза или теория, вроде теории Галилея или Дарвина, противоречили или установившимся научным теориям, или метафизическим и религиозным представлениям о природе. Но и тут скоро наступало примирение. К новой теории привыкали, или она сама подлаживалась в своих конечных выводах к господствующим традициям и метафизике, или же она совершала частный переворот в умах — и наука шла дальше.

Не то было с общественной наукой, даже после того, когда, увидев свою ошибку, она захотела идти новым методом, методом научным, захотела, отрешившись от конечных, метафизических вопросов о целях человечества, о его грядущем и пр. или от своих предвзятых идей и идеалов, как традиционных, так и метафизических, идти путем исследования фактов и явлений — хотя бы в их обыкновенном антропологическом выражении, — отыскивая лишь связь и последовательность между ними, исследуя, иными словами, условия явлений.

Здесь в наблюдение явлений, даже по поводу каждого частного вопроса, вмешивается субъективное состояние наблюда-

теля, его чувство, его страсть, его симпатии или антипатии, его предубеждение как члена партии, сословия, учреждения. Значит, здесь даже каждый частный вопрос постоянно стоит на метафизической почве личного субъективного творчества или подбора фактов, руководимого идеалом, желанием, настроением. Таким образом, с первого взгляда *наука* общественных явлений невозможна, а придется ограничиться лишь общественной метафизикой. Многие так и порешили. Есть и в нашей русской литературе нечто вроде школы социологов (если их так можно назвать), которые прямо отрицают возможность объективной общественной науки, или по меньшей мере истории, и называют себя субъективистами. Из ее рядов немало было сделано полемических выстрелов, например в Спенсера, с целью доказать во-первых, что и он, несмотря на свой видимый объективизм, субъективен и даже буржуазен, а во-вторых, с целью подорвать некоторые из его выводов и положений. Однако нам кажется, что эта школа сбита с толку некоторым недоразумением. Один из наиболее глубоких ее представителей, автор «Исторических писем»¹, отделяет историю от социологии следующим образом.

Он говорит, что, например, Бокль «открыл не законы *истории*, а лишь с помощью истории устанавливал некоторые законы социологии». Что же такое законы социологии и в чем их отличие от законов истории? Законы социологии, по этому автору, суть определения, «при пособии исторического элемента действуют на развитие общества *вообще* и как всегда будут действовать, если повторится это преобладание». «Но это не законы истории, как понимали их Вико, Боссюэ, Гегель, Конт, Бюшэ, — продолжает автор, — история представляет процесс, в котором требуется определить последовательную связь явлений, *один лишь раз* представляющихся историку в *данной* совокупности в каждый данный момент процесса. Закон же исторической последовательности в ее целом (?) еще не найден». Итак, допускает ли автор возможность отыскания социологических законов? Очевидно допускает — иначе он не называл бы законов, указанным Боклем, социологическими, но в отличие от исторических. Затем, что же он называет законами истории, «как их понимали Вико, Боссюэ, Гегель, Конт, Бюшэ»? «Последовательную связь

¹ Лавров П. Л. Исторические письма. С.-Петербург, 1870. С. 13—29.

явлений, один раз представляющихся историку в данной совокупности», или «закон исторической последовательности в его целом»? Этого почтенный автор не объясняет нигде. Он приступает прямо к указанию того, что естествознание имеет объективный критерий для отделения важных явлений от неважных, тогда как история его не имеет. Для естествоиспытателя, говорит он, «более важным является то, что повторяется в неизменной связи». *Исторические* же факты не повторяются, а потому и объективного критерия их важности не существует, ибо если мы, например, критерием такой важности возьмем количество людей, охватываемых событием, то окажется, что для нас вовсе не это важно в истории. Война китайцев с японцами кажется для нас менее важной, чем какое-либо столкновение Швейцарии с Габсбургами, и т.д.»

«Если Спенсер думает, что он открыл объективную сторону прогресса в переходе от простого к сложному, то, по мнению автора, это только заблуждение, ибо если бы оказалось, что такой процесс ведет к тому, что каждый человек станет говорить на особом языке, то сам Спенсер не назовет этого прогрессом. Если он назвал этот процесс прогрессом, то потому, что заметил предварительное совпадение с этим процессом дифференциации того развития, какое ему кажется наилучшим и прогрессивным. Итак, всякая формула прогресса является всегда субъективной или выводом из субъективной формулы, определяемой нашими идеалами, вкусами и пр.»

Разберемся во всем этом довольно смутном сцеплении идей, которое для многих служит до сих пор катехизисом.

История, если ее понимать как ряд фактов не повторяющихся, конечно, имеет право на существование, если такой историей будет интересоваться человечество. Но что такое значит «факты истории не повторяются»? Это значит только, что не повторяются факты во всей их *детальной сложности*. Так, во второй раз не повторится Александр Македонский со всей окружающей его обстановкой. Но, спрашивается, какой же естественнонаучный факт повторится когда-либо со всей его сложной обстановкой? Возьмем падение тела: если я его наблюдаю сегодня и завтра, то уже его обстановка не та, потому что состояние погоды, температуры, барометрического давления, ветра едва ли может повториться в один и тот же час, минуту

и секунду в известном месте два раза. В чем-нибудь да будет изменение. Не говоря уже про другую обстановку, не могущую прямо влиять на падение. Но как же освобождается естествоиспытатель от этих, так сказать, индивидуальностей факта; он их или игнорирует, или, в свою очередь, подводит под общий закон. Могут сказать, что в истории все дело, наоборот, в этой индивидуальности факта — что, теряя индивидуальность, Александр Македонский становится типом, а не явлением неповторяющимся. Пусть так. И пусть все чисто индивидуальные, неповторяющиеся особенности явления так же дороги человечеству, как и то, что в них общего, типичного; пусть, наконец, эти чисто индивидуальные особенности составят предмет особой научной области, которую мы называем историей, хотя вернее ее назвать описательной историей, в отличие от истории в более широком смысле, т.е. от такой истории, которая путем совокупности наших общих знаний: социологических, психологических и естественнонаучных — будет стараться уяснить нам условия и причины каждого такого отдельного индивидуального явления и их взаимной связи между собою. Но вот ведь и все, что останется в истории, раз мы ее определим как науку об индивидуальных неповторяющихся явлениях. Самое явление прогресса не будет уже поэтому принадлежать к области истории, ибо прогресс есть понятие, относящееся ко всей цепи исторических явлений; в нем нет уже ничего индивидуального, неповторяющегося, и он прямо отойдет в область социологии. Поясним это еще.

По определению автора «Исторических писем», история имеет дело с неповторяющимися, так сказать, индивидуальными явлениями. Прогресс есть общий закон для всего человечества *во времени*, а стало быть, он, как известная совокупность признаков, отличающих прогресс вообще, должен так или иначе повторяться в цепи индивидуальных или неповторяющихся явлений. Он именно есть, между прочим, то, что связывает собою в одно целое индивидуальные явления, — он то, что в них есть общего. Но то, что в явлениях есть *общего*, может подлежать, по определению самого автора, исследованию естественнонаучному, т.е. такому, где критерием важности явления может служить повторение его в неизменной связи с другими явлениями. Еще иными словами: в исторических событиях есть

элемент неповторяющийся, индивидуальный, составляющий предмет собственно истории, и есть элемент, общий всем явлениям истории — прогресс, т.е. элемент повторяющийся и, стало быть, не подлежащий истории, а подлежащий естествознанию или социологии. Т.е. если он подлежит социологии, то ввиду того, что социология, очевидно, относится автором к естествознанию, именно этим и отличаясь от истории, автор на основании собственного же определения должен признать, что определение прогресса возможно по естественноисторическому, т.е. научному методу, методу объективному, а не субъективному, т.е. по методу отделения важных фактов от неважных в силу их повторяемости в неизменной связи.

Ошибка автора, очевидно, состояла в том, что он упустил из виду двойственность событий истории. Факты истории, конечно, неповторяемы в их сложной индивидуальности, но в каждом таком сложном факте, кроме этого, есть элементы, которые повторяются. Нам могут возразить, что стадии прогресса также не повторяются, ибо вчерашняя стадия прогресса не есть нынешняя. Это совершенно справедливо, и отдельные стадии прогресса могут и должны быть предметом истории прогресса. Но и в этих стадиях должны быть элементы двух сортов: во-первых, элементы, отличающие одну стадию от другой, и, во-вторых, элементы, позволяющие нам утверждать, что эти стадии суть именно стадии прогресса, т.е. элементы, общие всякой стадии прогресса, а стало быть, повторяющиеся, т.е. не подлежащие истории, а подлежащие социологии. Таков, например, элемент дифференциации, или перехода от простого к сложному, открытый Спенсером.

Если таким образом мы отнесем к истории определение условий возникновения каждой отдельной статьи прогресса, то и в таком случае общий закон прогресса, а стало быть, и истории в ее целом, не будет предметом истории, а будет предметом социологии, т.е. естествонаучного исследования. Возьмем сравнение. История есть как бы биография одного, единого существа, человечества. В этом смысле отдельные фазисы его развития вполне индивидуальны, ибо нет другого человечества. Они и не могут повториться во всей своей индивидуальности, как не повторяются факты биографии одного и того же человека. Но, во-первых, уже между отдельными фазисами

биографии одного и того же человека есть, кроме различий, и сходства. Эти сходства вносятся общим характером этого человека, выясняющимся в отдельных фактах, а этот общий характер определяет и общий характер развития этого человека; этот общий характер развития и будет закон прогресса этого человека. Конечно, если взять изолированного человека и не сравнивать его ни с кем другим, то и об отличительных особенностях его характера говорить невозможно, ибо различение возможно только путем *сравнения*; поэтому-то и кажется, что и при исследовании человечества в его целом нельзя говорить об отличительных особенностях его прогресса. Но это вовсе не значит, что нельзя говорить вообще о его прогрессе и о законе этого прогресса из сравнения отдельных стадий его в том, что в них есть общего.

И во-вторых, человечество разбивается на отдельные группы или общества. Если прогресс всего человечества в целом не подлежит сравнению с прогрессом другого человечества, потому что другого нет, то история отдельных обществ не имеет уже и такой оговорки. Здесь возможно такое же сравнение и такое же нахождение общего и повторяющегося в отдельных историях, как и в изучении развития отдельных организмов естественными науками. А определив закон развития нескольких обществ, мы его вправе распространить, с оговорками, на все общества, как физиолог распространяет свое изучение законов развития десятков и сотен организмов на все организмы. Таким образом, и здесь возможен естественнонаучный объективный критерий. Наконец, закон прогресса человечества, если этот прогресс не имеет себе ничего близко подобного, может быть сравниваем с отдаленным подобием прогресса в других областях природы. Тут-то и подвертывается человечеству сперва мысль об аналогии или сходстве общественных процессов с биологическими и даже космическими (Керри) явлениями природы, а затем и гипотеза, тождественная с вышеуказанной психологической гипотезой, относительно коррелятивности физико-химически-механических и биологических процессов с субъективными процессами общества. Но в оценку этого зрения мы войдем далее.

Таким образом, закон человеческого прогресса, представляющийся автору «Исторических писем» стоящим в исключи-

тельном положении, оказывается с этой точки зрения в самом обыкновенном положении всех естественнонаучных вопросов. Впрочем, этого и следовало ожидать, ибо если мы можем изучать совершенно научно общества пчел, муравьев, законы эволюции *всего* животного царства, которое также *одно*, то нет причин делать исключения для естественнонаучного изучения прогресса человечества.

Возникает, однако, другое, более крупное возражение. То, что может при таком объективном изучении социальных явлений и прогресса показаться важным, может быть вовсе не важным с субъективной точки зрения, т.е. для человечества, а в этом-то и вопрос, говорят многие. Исследуя прогресс с субъективной точки зрения, мы отыскиваем в истории человечества условия, создавшие тот прогресс, который *нам* нужен и важен, а исследуя развитие человечества с объективной точки зрения, мы можем открыть такие законы, которые никому не нужны. В первом случае мы делаем *открытия* действительно полезные и важные для человечества; мы узнаем, что именно содействовало важному для нас прогрессу, а через это мы отыскиваем орудия, которыми следует добиваться и в грядущем подобных же результатов.

Ввиду этого положения и самая объективная социология, если бы она была даже возможна (а ее возможность, как видели и еще увидим, отрицается), представляла бы бесполезную и ненужную трату времени, тогда как социология субъективная, т.е. ставящая себе идеал и исследующая явления с точки зрения этого идеала, ведет нас прямым и быстрым путем к знанию условий прогресса.

С первого взгляда кажется, что ничего не может быть проще и вернее этих положений. Тем более что они, по-видимому, совершенно совпадают с утверждаемой некоторыми невозможностью отрешиться при исследовании общественных явлений от страстных, субъективных и партиозных точек зрения. Когда Герберт Спенсер в своей книге «Об изучении социологии» пытается отрешить исследователя социологии от субъективных и партиозных точек зрения, то субъективистам это представляется каким-то невероятным сальто-мортале, а один наш русский критик заметил даже, что Спенсер хочет перепрыгнуть через свою собственную голову.

Таким образом, перед нами два возражения: 1) невозможность отрешиться от субъективной точки зрения, 2) бесполезность и даже вредность такого отрешения в социологических исследованиях.

Мысль человеческая имеет замечательное свойство, замеченное еще и Гегелем, ударяться в крайности и только затем, исчерпав эти крайности, отыскивать между ними примирение, в котором по большей части и оказывается истина. Мы видели, что с психологией происходила та же история. Она сперва держалась чисто субъективного метода, затем ей пришлось обратиться почти исключительно к объективному методу, к методу аналогий, неизменных механических законов общества, причем совершенно игнорировался субъект и его влияние на жизнь и среду при известном обратном влиянии на него среды. Теперь социологию ожидает неизбежно примирение этих двух крайностей. В этом примирении только и может лежать полная истина.

То есть социология была прежде исключительно субъективной наукой, как и прежняя психология, затем она ударились в противоположную сторону. Теперь уже намечается возможность и необходимость примирения этих крайностей. По нашему мнению, истина лежит и здесь только в таком примирении ввиду следующих соображений.

Хотя с первого взгляда кажется, что субъективный метод скорее ведет к цели изучения условий прогресса, нужного для нас, однако факты доказывают противное. Как мы видели, относясь к явлениям истории с чисто субъективной точки зрения, можно одинаково хорошо доказать какой угодно исход для человечества. Ясно, что это доказывает. Это доказывает, что каждый субъективист, ставящий свой идеал критерием для исследования условий прогресса, всегда найдет такие условия, и всякий другой исследователь, с другим идеалом, найдет свои. В конце концов, где же критерий того, что они не ошибаются? Где критерий того, что, выхватывая из сложной исторической массы нужные им факты, они не игнорировали при этом таких фактов, которые в корне изменяют их вывод? Когда естествоиспытатель исследует явления, у него есть критерий важности явлений, это их постоянно повторяющаяся связь. У субъективиста есть один только критерий — его идеал, а потому

он может отбросить весьма существенные явления и условия, имеющие решающее значение в вопросе. От этого-то мы и видим, что в практической области субъективисты почти всегда попадают впросак.

Они, задавшись идеалом, видят его прогресс то в развитии разума, то в развитии науки, то в развитии исключительно одних чувств, то в религиозном процессе, положительном или отрицательном, то в общественных катаклизмах и насильственных переворотах, то еще в чем-нибудь. Одним словом, тут открывается широкое поле для решений, не основанных на строгом изучении фактов в их бесконечной сложности, а основанных на чисто гипотетическом или рациональном умозаключении, выводимом из тех или других человеческих свойств. А раз такое гипотетическое решение найдено, стоит лишь подыскать в истории ряд фактов — и исследование готово. Возьмем пример: Ж.-Ж. Руссо под влиянием недовольства окружающей средой, стеснительными формами быта создал себе идеал общественного строя чисто отрицательным путем, т.е. отбрасывая одни за другими ненавистные формы, он пришел к идеалу почти первобытного человека. Из этого идеала путем чисто отвлеченных силлогизмов он дошел до учения о природном человеке, а затем до соответственного представления о человеке таком, каким ему хотелось его видеть. Сообразно с этим явилась чисто гипотетическая постройка и человеческого прогресса, и его условий. Обращаясь затем к истории, ему уж ничего не стоило подыскать факты — и теория была готова, а из теории возникало общественное искусство. При столкновении с действительностью должно было получиться и получилось следующее: хотя в людях и в условиях прогресса и были, быть может, некоторые элементы, взятые Руссо, а именно были субъективные элементы, т.е. стремления, одушевлявшие большинство людей в эпоху Руссо, но, однако, целое было гораздо сложнее, и целая масса самых существенных условий была упущена из виду. В конце концов и теория, и искусство, как и всякая метафизика, овладевши временно умами (почему — это мы сейчас объясним), потерпели полное фиаско и отошли в область красивой, но бесплодной поэзии.

Овладели же они временно умами потому, что их создала та же самая потребность, какая была и в массе, и тот же недоста-

ток метода, тот же недостаток исследования. Толпа этими свойствами, общими с автором, была подготовлена именно к таким идеям, а не к другим, а страстное напряжение ее нужд и потребностей, давно наболевших, усилило популярность теории, обещающей быстрое и легкое спасение.

Еще лучший пример мы видим на теориях мистических социалистов Германии в XVI веке. Мюнцер понял, что в его воззрениях на историю был громадный пробел знания условий прогресса (насколько эти условия лежат и в человеческой дряблости, своекорыстии, эгоизме), лишь перед последней битвой, решившей его участь в 1525 г.

Мы достаточно видим, таким образом, что если субъективный метод в социологии имеет, по-видимому, свои достоинства, он имеет и свои громадные недостатки. Его достоинства в том, что он действительно направляет исследования на вопросы, самые дорогие человечеству, а его удобство заключается в том, что им может пользоваться почти каждый без предварительного труда, серьезного и кропотливого изучения. Можно, не выходя из кабинета и не прикасаясь ни к одной книжке, построить идеал, развить гипотетические последствия из гипотетически же созданного отвлеченного человека, нацепить на это несколько фактов и цифр — и социология готова. От этого социологи-субъективисты всегда находят массу почитателей и обожателей, ибо масса строит именно так свои социологические теории и утопии. Но, однако, не масса простонародная. Социологи-субъективисты имеют популярность среди *массы* так называемой интеллигентной, поверхностно образованной, оторванной от жизни и страстно возбужденной всякими невзгодами и лишениями. Решения субъективистов скоры, просты, легко усваиваются и обещают скорое исцеление. Но если такие решения и имеют в этом смысле свою относительную цену, если они и приятны для своих избирателей, давая им быструю и легкую популярность, они, в смысле историческом, дают всегда больше вреда, чем пользы, хотя, очевидно, обрушиваться на них с нравственной точки зрения невозможно, ибо эти теории, эти системы чаще всего просто рефлексы наболевшей страсти, вызванные условиями жизни. Живется плохо, ум ищет выхода, находит, по-видимому, самый ближайший и идет. Если перед ним и перед теми, кто

идет за ним, оказываются пропасти, разве можно их обвинять строго? Конечно, если бы они могли мыслить иначе, они первые не захотели бы мыслить так, чтобы это привело их к пропасти. Если они не мыслили так, значит, не могли.

Но можно ли на этом успокаиваться? Конечно, нет. Человечество заблуждается, но оно и сознает свои ошибки, умеет и исправлять их. Для этого одним из средств служит опыт, а другим — живое слово. Как бы ни было естественно стремление к субъективному методу в социологии, необходимо употреблять все силы, чтобы убедить возможно большее количество людей не идти этим методом. Как бы ни было медленно распространение такого убеждения, но оно будет постепенно делать свое дело, внося все в больший круг людей стремления к положительным социологическим знаниям.

Теперь остается решить вопрос, поставленный у нас первым: каким образом возможно и возможно ли вообще отрешиться от тех субъективных настроений, чувств и предубеждений, которые мы выставили вначале как препятствие к освобождению социологии из области метафизики, т.е. субъективно-го творчества?

А главное, насколько это полезно и как устранить тот вред от такого устранения, который, как показано выше, видят в объективной социологии субъективисты. Мы уже упомянули, что Спенсер, прежде чем приступить к своему сочинению «Основания социологии», издал книгу «Об изучении социологии», где со свойственной ему простотой и ясностью старается подготовить читателя к объективному социологическому методу. Для этого лучшим средством он нашел постепенное перечисление и разбор тех страстных чувств, настроений и предубеждений, с которыми различные касты, сословия, профессии и вообще различные типы людей смотрят на общественные явления. Эту-то попытку один из русских критиков и нашел стремлением перескочить через свою голову. Однако едва ли можно согласиться с таким взглядом. Как бы человечество ни было косо в своих страстях, традиционных чувствах и предрассудках, Спенсер более чем кто-либо имел это в виду. В той же книге «Об изучении социологии» он говорит, что люди даже в обыденной жизни ленятся шевельнуть лишний раз мыслью, чтобы устроить свою жизнь лучше: так,

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru